

Залогом принципиально иного проекта и рывка в справедливое будущее является сохранение цивилизационного многообразия, подрывающего принципы денежной цивилизации. На это обратил внимание выдающийся советский писатель-фантаст Иван Антонович Ефремов. Велением его фантазии в романе «Час быка» на планете Торманс именно единая монокультура привела к установлению разрушительной системы олигархического государственного капитализма и деградации планеты.

На Земле же, согласно жизнеутверждающему прогнозу автора, великое множество народов, несколько больших культур, которые во взаимопроникновении и в прямой борьбе задержали образование монокультуры и мирового государства до тех пор, пока не поднялось общественное сознание, состоялось качественное развитие человека, совершенствование его психотипа, которые смогли вывести на новый уровень технику и создать справедливые общественные отношения.

Литература

1. Кагарлицкий, Б. Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.
2. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги; пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
4. Катасонов, В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В.Ю. Катасонов. – Изд. 4-е дополненное. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1120 с.

В логике системной методологии, теорий управления, капитализма, глобализации современность применительно к глобальному миру есть основания характеризовать, как мировая система капитализма на исходе своего существования в глубочайшем системном кризисе и денежная цивилизация, главные принципы которой стали концептуальной властью для всех взаимовложенных управленческих социальных систем.

УДК 316.55

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАСКУЛИННОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

М. Г. СОКОЛОВСКАЯ

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Маскулинность (мужественность) – это совокупность принимаемых и одобряемых обществом подлинно мужских качеств, ценностных ориентаций, ролей, норм поведения, свойственных представителям мужского пола в каждом конкретном обществе. Маскулинность отвечает на вопрос: каким должен быть «настоящий мужчина» в определенное историческое время и в конкретном социуме?

К числу подлинно мужских качеств в большинстве социальных систем традиционно относят агрессивность, независимость, героизм, рациональное мыш-

ление, физическую силу, ответственность и сексуальную активность. Настоящий мужчина обязан быть непохожим на женщин и избегать в своей жизни всего женского. Он должен быть сильным, независимым и самодостаточным. И ни в коем случае не проявлять слабость, сомнения, эмоциональную чувствительность и открытость. Наоборот, мужчина должен быть агрессивным, склонным к насилию.

Качества, которые определяются как маскулинные, призваны, как правило, вести к социальному успеху в условиях жесткой конкуренции между представителями «сильного пола» за различного рода социальные и иные ресурсы.

Существуют цивилизационные и страновые различия по эталонам мужественности. Чтобы соответствовать, к примеру, существующему в современном белорусском обществе стереотипу маскулинности, мужчина должен быть белым, сильным, независимым, активным, агрессивным, рациональным, ориентированным на достижение успеха в различных социальных контекстах, включая и предпочтения женщин.

Добавим, что исторически маскулинность дает мужчине право на господство и доминирование как в обществе, так и в семье, в то время как феминность в общественном и обыденном сознании связывается с обязанностью (и готовностью) подчиняться.

С точки зрения христианского мыслителя Обри Анделина, настоящий современный мужчина должен быть создан «из стали и бархата» и заключать в себе, исходя из Священного Писания, следующие качества: а) быть лидером в семье и на работе; б) выступать созидателем общества в различных его проявлениях; в) отвечать за духовное, душевное и материальное благополучие семьи; г) обладать уверенностью, мужеством и силой духа; д) быть защитником для окружающих; ж) находиться в хорошей физической форме [1, с. 31].

В постиндустриальном обществе получили распространение два типа маскулинности. С одной стороны, особенно в медийном контексте, широко распространены образ мужской «мачо», который на жизненной сцене презентует себя как активный, физически сильный, привлекательный и агрессивный мужчина, думающий исключительно о победах над женщинами в сексуальных интерьерах, а не о построении с ними гармоничных отношений. Он часто является «эмоциональным кретином», неспособным к сопереживанию, нежности и заботе, что существенно ограничивает его мужской потенциал, поскольку в современной социуме существует большой спрос на близкие отношения, эмоциональные сопереживания и интимность.

С другой стороны, очевидно, что, несмотря на то, что мужественность ассоциативно связывается с понятиями силы, власти, успеха, рациональности, контроля и ответственности, императивы постмодерна заключают «мужскую жизнь» в жесткие социальные рамки. Многие исследователи приходят к выводу, что в постиндустриальном обществе мужчины представлены жертвами, поскольку давление гендерных ролей помещает не только женщин, но и мужчин под мучительное напряжение, лишаящее оба пола свободы выражать свои потребности и желания. К примеру, мужчины, согласно традиции, не могут выразить свои эмоции так же, как женщины, что противоестественно человеческой природе.

Все это может привести к тому, что ученые обозначили термином «несостоявшаяся маскулинность». Мужская психологическая энергия часто использует-

ся для того, чтобы защищаться «против» чего-либо, нежели выражать то, что он в действительности существует. Например, усилия мужчины направлены на то, чтобы доказать, что он не феминный, независимый, не эмоциональный, не пассивный, не боящийся, не беспомощный, не потерянный, не неудачник, не импотент и т. д. Подобные установки ограничивают возможности выбора и степень человеческой свободы, что может приводить и к трагическим последствиям.

Действительно, в современном обществе успешный мужчина в глазах многих людей должен выглядеть гламурно, иметь доступ к материальным богатствам, обладать хорошей машиной и молодой девушкой модельной внешности. Желательно, чтобы он был хорошо одет, казался привлекательным и физически сильным. Но одновременно очевидно, что даже по объективным обстоятельствам социальный успех – это прерогатива явного меньшинства.

Постоянные же попытки подтвердить свой статус приводят его к сильному психологическому напряжению, поскольку подобное стремление далеко не всегда заканчивается успешно. В обществе эпохи постмодерна один из наиболее простых способов доказать, что я мужчина – это насилие как над женщинами, так и над другими мужчинами.

В современном мире существует традиция отказа от взгляда на маскулинность как застывший шаблон. Все чаще звучит точка зрения, что она может быть социально изменчивой и в разных культурах существуют «плюральные маскулинности».

В постиндустриальном обществе во многих странах, в особенности относящихся к иудо-христианской цивилизации, идея дихотомизма маскулинных и феминных черт (по принципу «или – или») уступила место идее континуума маскулинно-феминных качеств.

Это обусловлено социальной необходимостью: для того, чтобы обеспечить гендерное равенство и усилить конструктивный потенциал общества, необходимо, чтобы мужчины могли пересекать границу социальных ролей, которые им предписаны традицией и культурой.

Кроме того, все очевиднее становится социальная необходимость избавления мужчин от постоянного и сильного стресса, поскольку только немногие из них в состоянии достигнуть в условиях острой конкуренции успеха, который исторически является мерилом мужского достоинства.

Существует и немалая группа женщин, для которой принципиальное значение имеет способность мужчины быть «сапиосексуалом», т. е. «человеком умным и рассудительным», поскольку для них самая «эрогенная зона» находится в мозге мужчины, его интеллекте и в способности конструктивно и ответственно мыслить, формировать чувство эмоциональной, психологической близости.

Одна из причин этого заключается том, что, поскольку традиционные представления о маскулинности остались неизменными (мужчины должны быть сильными, кормильцами и эмоционально глухими), то в силу неизбежного несоответствия им, у многих мужчин может создаваться впечатление, что «жизнь не удалась» с последующим возникновением депрессивных и даже суицидных настроений. Поэтому общество должно разрешить им быть слабыми. Как справедливо отмечала белорусский культуролог Юлия Чернявская, «смерть быстрее выкашивает мужчин. Тому есть не только физиологические, но и психологические причины. Например, установка "мальчики не плачут". Она разрушает человеческую

спонтанность, лишает права на яркое выражение чувств, формирует закрытого, закомплексованного человека, который всю жизнь чувствует себя самозванцем. Он должен быть сильным, а ведь он знает, что внутри он – другой» [2].

Кроме этого, новое прочтение гендерных ролей, ставящее под сомнение мужское лидерство, приводит ко все большему и грубому контролю женщин над мужчинами в частной и социальной сферах, что чревато для последних существенными психологическими потрясениями и приводит их к трудностям в конструировании своей гендерной идентичности.

Дело в том, что на протяжении многих столетий мужчины подчеркивали свою мужественность, «гегемонную маскулинность», используя принижение женщин, их игнорирование и исключение из публичной сферы.

Исторический же уход от модели мужского доминирования, широкое распространение установок на более равноправное гендерное поведение, освобождение мужчин от ригидных норм привели как к усилению позиций женщин в достижении ими равных прав и возможностей, в распределении социальных ресурсов, так и увеличению их контроля и даже доминирования над мужчинами. Например, в современной Польше из ведущих информационных каналов почти полностью исчезли мужчины, а «голос женщин – телевизионных журналистов, ведущих и публицистов как никогда раньше стал громким» [3, с. 18].

Таким образом, объективно увеличившаяся эмансипация женщин в современном обществе с необходимостью порождает у некоторой части мужчин такие защитные реакции, как высокая степень агрессивности либо пассивность.

В конечном счете, по утверждению российской исследовательницы Е. Луковицкой, у мужчин наблюдается сочетание власти и страха, «причем власть их уменьшается, а страх увеличивается, «благодаря» во многом: 1) рекламе гипермаскулинности и гиперсексуальности в средствах массовой информации; 2) неумению многих мужчин реализовать себя в семье; 3) уменьшению определенности в обществе в отношении гендерных ролей. Все это приводит к внутреннему конфликту и часто ведет к таким стратегиям поведения, как насилие, уход (пьянство, наркомания), философствование и рационализация, апатия, депрессия» [4, с. 27].

Литература

1. Анделин, О. Мужчина из стали и бархата / О. Анделин. – СПб. : Христ. миссия, 2015. – 400 с.
2. Чернявская, Ю. Личные истории. Интервью / Ю. Чернявская // Народная воля. – 18 ноября 2014 г. – № 90.
3. Socha-Jakubowska, P. IV władza jest kobietą / Socha-Jakubowska, P. // Wprost. – 2019. – № 17–18. – S. 18–25.
4. Луковицкая, Е. Г. Введение в гендерные исследования : уч. пособие / Е.Г. Луковицкая. – В. Новгород : НГУ, 2003. – 127 с.

В статье исследуются процессы трансформации мужской гендерной идентичности в постиндустриальном обществе. Указывается на его противоречивость. С одной стороны, особенно в медийной форме, сохраняется ориентация на традиционный образ мужчины, персонифицирующий силу, агрессию, ответственность, стремление к доминированию, успех и т. п. С другой – наблюдается отход от традиционной модели маскулинности, укорененной в христианскую традицию, что позволяет преодолеть ряд внутренних конфликтов и обрести мужчинам новые жизненные смыслы.